

20/11-902
26

Рубашкин Я.

ЗНАКОМЫЕ в Зальцбурге, завидя его, приветствуют обычно так: «О, Борис, рус!» Для них он русский, и этим гордится. Именно Россию сам он считает своим Отечеством, хотя всю жизнь прожил вне ее пределов.

Его песни, которые мы много лет слушали подпольно, переписывая друг у друга магнитофонные записи, грели наше ностальгическое чувство по утраченной России, причем по разной. Рубашкин, который прожил свою жизнь в «экологически чистой», защищенной от официального влияния среде, пел, как поют русские песни в народе, несмотря на акцент.

Его отец, донской казак, эмигрировал на одном из последних пароходов, шедших из Одессы в Турцию. «Людей гнал страх», — объясняет Рубашкин. В одну ночь сожгли их дом в станице, убили брата. Отец, а тогда ему было 18, год провел в Одессе, не мог выехать, страшно бедствовал. Уехав, попал в Турцию в карантин, который эмигранты называли «галлополийский клоповник». В мусульманской стране ему было очень трудно, и он переехал в Болгарию. Русские здесь не ассимилировались, даже если вступали в браки с болгарками. Своей жене-болгарке Семен Чернорубашкин приказал выучить русский язык. Сына, родившегося здесь, он отдал в русскую школу, крестил его в русском храме, водил в русский клуб, вместе слушали хор донских казаков под управлением Жарова. Отец сам замечательно пел самый разнообразный репертуар, и с особым удовольствием при праздничном застолье. Так Родина приходила к Борису Рубашкину через ее песни.

Столько чувства в той песне
унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в груди моей холодной, остывшей
Зажигается сердце огнем...

— мороз по коже пробегает, когда мы сегодня, сидя в зале, слушаем, как Рубашкин поет эти строки, мы действительно припоминаем «родные поля и леса», мы восстанавливаем связь с нашими национальными корнями.

В конце 40-х годов Родина неожиданно вспомнила о своих «заблудших» сыновьях. Их вызвали в посольство и вручили советские паспорта. А немного раньше, с того момента, как Болгария вошла в социалистический лагерь, отношения у коренного населения с русской общиной стали напряженными, кое-кто из прежних добрых соседей называл теперь русских «грязными белогвардейцами». Это заставило русскую общину еще больше замкнуться в своем кругу.

Окончив школу, Рубашкин уехал учиться в Пражский университет на экономический факультет. Жить было не на что, он пошел в Болгарское посольство просить стипендию — помогите, ради Бога, умираю с голоду. Болгары отказали: советский подданный. В Советском посольстве стипендии тоже не дали, поскольку он из Болгарии. В поисках заработка однажды попал в Вену. Сидя в кафе за кружкой пива, случайно прочитал объявление, что ресторан «Жар-птица» ищет танцора. Танцевать он умел, начинал еще в русском клубе. В «Жар-птице» он сделал первый шаг к профессиональной сцене.

Однажды днем, когда не было по-

НЕ ЖЕНИТЕСЬ НА ИНОСТРАНКАХ!

Два эти события оказались крепко связаны между собой — первые гастроли Бориса Рубашкина в России и его женитьба на нашей соотечественнице. Теперь он обрел в Москве свой дом. Мы побывали в гостях у Бориса Семеновича и его супруги на Большой Дорогомиловской улице.

сетителей. Рубашкин взял гитару и запел для себя. Его услышал хозяин ресторана и включил в вечернюю программу. «Ты зашухерила всю нашу малину, а теперь масляну получай» — он хорошо знал русский ресторанный репертуар. Еще в детстве, как к разбойничьей сказке, его влек этот одесский рискованный мир, где на манер западного супермена Робин Гуда, а также по образу и подобию русского разбойника Стеньки Разина действовали налетчик-джентльмен Миша Япончик и неотразимый Бенья Крик. Это были свобода и эпатаж оппозиции.

В «Жар-птице» Рубашкина впервые услышала профессор Венской консерватории Мария Брандт. Он стал ее учеником. Результат не заставил себя долго ждать — первая премия на Международном конкурсе баритонов. Однако оперная сцена не захватила его целиком, и когда последовало приглашение на цикл выступлений в знаменитом парижском ресторане «Этуаль де Моску», он ответил согласием. Так пришла настоящая слава. Почему среди парижской эмиграции первой волны были особенно популярны хорошие советские песни времен Великой Отечественной? В час беды люди, тосковавшие по Родине, не разорвавшие внутренних связей с ней, снова почувствовали свое единство с Россией, все — от парижского шофера, бывшего русского офицера, воевавшего в Сопрогилении, до князя Феликса Юсупова, отказавшегося в угоду гитлеровцам объявить себя претендентом на русский престол. Это чувство уцелевших русских парижан сохранилось надолго, и они вытирали слезы, когда Рубашкин пел «Вставай, страна огромная»...

Но «Этуаль де Моску» — это еще не Москва, просторы не те. В России у Рубашкина аудитория куда шире. Он приехал к нам на гастроли впервые в январе 1989 года, и попасть на его концерты было невозможно.

...Она стояла на галерке со своими подругами, не отрываясь смотрела вниз на сцену, и у нее было странное чувство, вернее — предчувствие. Она вслушивалась в его песни, и в них ностальгический сон по утраченной России обретал для нее реальность.

Чайка, ты, как пена прибора, чиста, Белокрылая чайка, моя мечта, — пел Рубашкин.

После концерта за автографами выстроилась километровая очередь. Али-

на была последней. Она впервые в жизни решила взять автограф, но, может быть, она просто не сопротивлялась судьбе? Она стояла перед ним тоненькая, прозрачная, «как пена прибора, чиста» — его соотечественница. «А вам я дам автограф за кулисами». За кулисами не разговаривали, но Алина сразу узнала о нем очень много — Рубашкин давал интервью программе «Добрый вечер, Москва!» Потом как настоящий мужчина он позвонил первый.

Я не знаю себя, я тебя узнаю...

Еще целый месяц длилось узнавание друг друга, пока они вместе были на гастролях. В последний день перед возвращением в Москву Борис Семенович предложил Алине стать его женой.

Рубашкин, который к тому времени расстался со своей первой супругой-болгаркой, помыслить не мог, что он,

русский человек, снова возьмет в жены иностранку. «Я люблю борщ, — говорит Борис Семенович, — а она вдруг стала бы заказывать шницель по-венски. Нет, это не для меня!»

Дом Рубашкина в Зальцбурге вполне в русском духе. У него всегда есть все, чтобы принять гостей, как любят у нас в России, на широкую ногу, от души. На Западе принято приглашать друзей в ресторан, но друзья Бориса Семеновича обычно требуют, чтобы он устраивал традиционный русский обед у себя дома. Кстати, выбрать дом было непросто — искал большую кухню, 40 вариантов перебрал, остановился на 41-м. Посиделки в кухне — как это похоже на нашу, скажем, московскую манеру. У Бориса Семеновича много икон, собирает он и картины, но они хранятся на третьем этаже, и обычно гостям их не демонстрируют. Зато в гостиной висит копия знаменитой репинской «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» — она попала на конверт его первого диска, вышедшего в Австрии. По русской традиции в праздники в доме Рубашкина слышны песни, правда, гости не поют — не рискуют.

Зальцбург — городок в табакерке. Алина впервые приехала туда по приглашению Рубашкина в мае 1989 года и сразу поняла, что это один из самых уютных городков старой Европы. Ей было с чем сравнивать — в детстве она жила с матерью в Советском посольстве в Стамбуле, позже, окончив курсы секретарей-переводчиков при МИДе, полтора года работала в Каире. Но она никогда не предполагала, что выйдет замуж в чужую страну и не рвалась поселиться за границей. Брак оформили в Австрии, свидетелями в венской мэрии были два знакомых Бориса Семеновича. Алина привезла из Москвы свадебный белый туалет, но Борис Семенович нашел это платье чересчур торжественным. Тогда Алина надела скромное черное платье и набросила на него желтую накидку.

Муж считает, что Алина ярая русофилка. Действительно, освоиться в сказочном городке, где всего пять русских семей, да и те эмигранты второй волны, люди пожилые, ей оказалось не так-то просто. Пожалуй, трудности с языком не самые непреодолимые, тем более она знает английский. Больше всего для Алины

то, что она чувствует здесь несколько негативное отношение к своей Родине. Даже сыну Алины от первого брака пришлось с этим неожиданно столкнуться, когда он пошел в Зальцбурге в подготовительный класс австрийской школы. Ребенок тонкий, одаренный, переживал это с большим напряжением, и теперь Илюша остается учиться в Москве — как решила мать, до тех пор, пока он духовно не окрепнет.

В Москве у Алины был широкий круг друзей, она обожала гонять на мотоцикле, носила мини-юбки, бегала на вернисажи, отдавала дань театру. Теперь она — хозяйка дома, готовит многочисленным гостям Бориса Семеновича, сопровождает их по магазинам, делает свои закупки. Общение с местными жителями — в основном на бытовом уровне. Приходит мясник — говорит, сколько он продал мяса, адвокат — о делах своей конторы, у нее сложилось такое впечатление, что им интересно только то, как они преуспевают. Впрочем, Рубашкин считает, что Алина к австрийцам необъективна. Когда длинный день хозяйственных забот заканчивается, она поднимается к себе в мансарду и только здесь может отдохнуть душой за мольбертом. Рисовать, так же как и сочинять стихи, Алина начала совсем недавно — искра разгорелась во время романа с Рубашкиным. Борис Семенович обычно предпочитает вечерние часы проводить у телевизора — смотрит спортивные передачи или криминальные фильмы. По субботам ходят в русскую церковь.

Алина с детства была верующей, но приняла таинство крещения лишь год назад одновременно со своим сыном. Это случилось в Москве, в церкви на улице Неждановой, их крестным отцом стал Рубашкин. Алине кажется, что таким образом их связь с Борисом Семеновичем стала более высокой, духовной, чем просто узы супружества. Вообще Алина из тех, кто материальному предпочитает духовное. Может быть, поэтому ее не ошеломили те земные блага, которые западный мир предлагает в изобилии. Там, например, она курит фирменные сигареты, но в Москве, бывало, переходила на родной отечественный «Беломор».

Лучшее развлечение — путешествие. Борис Семенович постепенно раскрывает перед Алиной мир. Но больше всего он нравится ей таким, какой он в России. Русскому певцу так важна любовь русского зрителя. На гастролях в Архангельске он заболел, концерты были на грани срыва. Он пролежал целый день под капельницей, но вечером все же встал и через час вышел на сцену. Это ли не русский характер?

Как поется в той песне: «И умолок мой ямщик, а дорога предо мной далека, далека...» Летние гастроли закончились, и Рубашкин улетел домой в Зальцбург. Алине предстоит последовать за ним.

Татьяна МАМАЕВА,
Екатерина ФЕЗИ-ЛУГИНСКАЯ.

Фото А. Тамбулова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182. Тип. 11521. Наш адрес: 101484, ГСП, Москва, ул. Новослободская, 73. Телефон для справок: 285-78-02. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Тираж 110.000 экз. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Цена одного экземпляра 10 коп.

Экран и сцена (прин. к Сов. Кинематографу). — 1990. — 20 сент. (№ 48). — С. 16.